

Нить стекляруса устремилась к Великому императору Фэнду, подобно ледяной серебряной вспышке. Стоило ей лишь вскользь коснуться черного лакированного гроба, как тот с грохотом разлетелся в щепки.

Нань Цзин мгновенно вскинул широкие рукава алого подвенечного платья, укрывая лицо и голову от града острых щепок. В ту же секунду из ущелья вырвался яростный порыв ветра, с сухим шуршанием швырнувший деревянное крошево на серые каменные плиты.

Раздался оглушительный треск — казалось, содрогнулась вся исполинская лестница. Нань Цзину пришлось опуститься на колено, чтобы удержать равновесие. Посмотрев вниз, он похолодел: грубый дикий камень покрылся сетью глубоких трещин. Если бой затянется, эта небесная тропа рухнет в бездну!

Взгляд Нань Цзина упал на серебряный колокольчик загробного союза, висевший у самого горла. Без малейших колебаний юноша зажал его губами, резко прикусил язык и, подцепив мизинцем левой руки призрачную печать Фэнду, брызнул на неё горячей кровью.

Пронизывающий холод мгновенно хлынул по жилам, возвращая растроченные силы.

Резко изогнувшись, Нань Цзин перекатился в сторону. Мокрый алый шелк подвенечного наряда прочертил в воздухе яркую дугу. Юноша чудом уклонился от летящего в него осколка плиты. Он едва заметно поморщился от саднящей боли в укушенном языке, жадно ловя губами влажный холодный воздух.

Каменная лестница начала рушиться прямо под ногами сражающихся, увлекая за собой вековые плиты.

Уворачиваясь от обломков, Нань Цзин упрямо карабкался вверх. Он успел ступить на последнюю уцелевшую ступень за мгновение до того, как весь нижний пролет с грохотом обвалился. Оглянувшись, он замер: покрытые трупными пятнами деревенский староста и Ли Ифэй в ужасе распахнули глаза. Их белки налились багрянцем, а безумные зрачки метались из стороны в сторону — в них больше не осталось ничего человеческого.

Каменные плиты дробились, рассыпаясь в прах. Острые обломки располосовали тела монстров, но те даже не успели закричать: поддавшись силе тяжести, они вместе с лавиной камней рухнули в бездну.

С высоты в несколько сотен метров огромные глыбы казались крошечными песчинками. Внизу царило безмолвие — ни звука удара, ничего. Падение с такой высоты не оставляло ни единого шанса выжить.

Нань Цзин судорожно сжал зубы.

Колокольчик во рту неистово затрезвонил. Превозмогая боль, юноша сделал еще несколько шагов вверх, чувствуя, как его светлые радужки затапливает непроглядная чернота. Он упал на колени, выплюнув серебряный колокольчик на серый камень.

Какая же невыносимая боль...

Тяжело дыша, он пытался унять дрожь. Буйный горный ветер трепал полы алого платья. Юноша прижал ткань к коленям и сквозь пелену слез посмотрел на поле битвы.

Широкие рукава Великого императора Фэнду развевались на ветру. Он стоял неподвижно, заведя одну руку за спину. Вторая рука была опущена — он даже не поднял свой меч из белого нефрита с золотой инкрустацией. Оружие смотрело острием в землю, но неодолимая, сокрушительная волна меча устремилась прямо на Мэн-по.

Едва Мэн-по успел раскрыть свой красный зонт с золотым напылением, как неведомая сила сбила его с ног.

Выроненный Нань Цзином свиток с портретом божества взмыл в воздух. Император призраков повел рукой, и Мэн-по, словно послушная кукла, втянулся обратно в картину. Сверкающие серебром бусины стекляруса на миг зависли в воздухе, а затем яркой вспышкой устремились вслед за ней.

Свиток мягко покачнулся под звон невидимого бубенца и плавно опустился прямо в руки Нань Цзина.

Ошеломленный юноша принял портрет. На свитке, среди складок бело-алого одеяния, на тонкой щиколотке Мэн-по теперь красовался крошечный колокольчик. Тот беззвучно покачивался на его обнаженной ноге. Нань Цзину показалось, что нарисованный красавец приподнял ресницы и посмотрел на него.

На бледном лице, до боли похожем на лицо Юй Аньня, слабо дрогнула темная родинка у глаза, а в глубине черных зрачков вспыхнуло безумие, способное сокрушить весь мир...

— Хм... — простонал Нань Цзин.

В правом плече отозвалась резкая боль. Нань Цзин скосил взгляд: его алое платье было изорвано в клочья, но кровоточащая рана затягивалась прямо на глазах. В глубине плоти что-то тускло блеснуло. Неужели... туда врос колокольчик?

Голову снова пронзила острая, точно тысячи игл, боль. Сил сопротивляться не осталось. Решив больше ни о чем не думать, юноша спрятал свиток за пазуху и безвольно осел на каменные

плиты. Однако вместо жесткого камня его голову бережно приняло что-то мягкое и прохладное.

Приоткрыв глаза, Нань Цзин увидел Великого императора Фэнду, который медленно опустил руку и подошел ближе.

Над горой Одинокого Дракона наконец занялся рассвет. Первые лучи солнца окрасили темно-синие облака в золотистые тона. Густая зелень ущелья заиграла новыми красками, и на каждой капле росы на листьях задрожали крошечные искры света.

Нань Цзин лежал на серой каменной плите, свернувшись калачиком. Его алый наряд превратился в лохмотья; чтобы не путаться в подоле, он разодрал его до бедер, обнажая бледные, исцарапанные ноги. Красные расшитые туфли были стерты в кровь на мысах, а на изящных лодыжках красовались темные ссадины.

Из неглубоких порезов на плечах сочилась кровь, стекая к тонкой талии. Нань Цзин не замечал этого. Он лишь упрямо поджал губы, с опаской и любопытством глядя на приближающегося владыку подземного царства.

Казалось, даже горный ветер утих, благоговейно замирая.

Император призраков остановился. Взмахом руки он сотворил плотное черное даосское одеяние и накрыл им израненное тело юноши.

Нань Цзин растерянно моргнул.

Ему вовсе не было холодно — в июне после грозы воздух быстро прогревался.

Великий император Фэнду опустился перед ним на одно колено. Его глаза, полные печали и холодного величия, скользнули по юноше. Длинные, изящные пальцы, казавшиеся высеченными из чистейшего нефрита, замерли над грудью Нань Цзина. В следующий миг из его сердца медленно выплыла соломенная кукла.

Грубое, неказистое изваяние было насквозь пропитано запекшейся черной кровью и источало тошнотворный, гнилостный запах. К кукле была приклеена желтая бумажка с размашистой надписью.

Нань Цзин прищурился, пытаясь разобрать иероглифы. Там было выведено его собственное имя — Нань Цзин.

— Что это такое? — хрипло спросил юноша, лишившись последних сил.

Почему от этой мерзкой куклы веет такой жутью, и почему на ней написано его имя?

Великий император Фэнду, бережно держа куклу на ладони, взглянул на него и тихо спросил:

— Ты видишь её?

— Вы про это соломенное пугало в вашей руке? — Нань Цзин не сводил глаз с находки. — На ней ведь написано моё имя. Что это?..

Император призраков промолчал. Юноша попытался приподняться, но в этот миг длинные пальцы владыки сжались. Грубый соломенный оберег рассыпался в его ладони невесомой черной сажей.

Нань Цзин закашлялся от полетевшей в лицо пыли.

— Всё еще болит? — негромко спросил император.

Пронизывающая боль, терзавшая его разум, бесследно исчезла. Юноша сглотнул скопившуюся слюну и покачал головой:

— Нет. Уже нет.

Пепел быстро развеялся по ветру. Смахнув набежавшие слезы, Нань Цзин посмотрел на поднявшегося на ноги бога, желая расспросить о кукле, но слова застряли в горле.

Небосвод прорезал ослепительный золотой луч.

В вышине, казалось, распустились белоснежные лотосы с золотой каймой, и до ушей донеслась чарующая, едва слышная музыка небесных сфер. Император призраков склонил голову:

— Нань Цзин, раз уж нам суждено было встретиться... Если вновь столкнешься с проделками демонов или богов, ищи меня в Императорской академии проникновения в сокровенное.

"Императорская академия проникновения в сокровенное?.. Что это за место?"

Мелодичные звуки лютни, эхом отдававшиеся в ушах, несли покой и непреодолимую сонливость. Нань Цзин прикрыл веки, бросив последний взгляд на лежащего неподалеку Юй Аньяня, и его голова тяжело опустилась на плиты. Он провалился в глубокое забытие.

Юй Аньянь вздрогнул и медленно открыл глаза. Судорожно вздохнув, он резко сел, озираясь по сторонам. Когда его взгляд упал на неподвижное тело Нань Цзина, сердце режиссера пропустило удар.

Опустившись на колени, он подполз к юноше и дрожащими пальцами коснулся его ноздрей.

Слабое, едва ощутимое тепло коснулось кожи.

Жив.

С уст Юй Аньяня сорвался безумный полувздых-полувсхлип. Он глухо закашлялся, и с его губ стекла струйка темной крови. Не обращая внимания на боль, мужчина смахнул кровь рукавом, осторожно приподнял Нань Цзина и взвалил его себе на спину. Каменная лестница внизу лежала в руинах, уцелели лишь жалкие обломки плит. Вцепившись одной рукой в натянутый канат ограждения, Юй Аньянь начал медленный, мучительный спуск.

Рассвет окончательно вступил в свои права. Горный туман поредел, пропуская мягкие солнечные лучи. Легкий ветерок шелестел листвой, стряхивая капли дождевой воды на их плечи — так же нежно, как в тот вечер, когда Юй Аньяню исполнилось двенадцать лет.

Он упрямо шагал вниз, бережно придерживая юношу. Мокрый свадебный наряд то и дело соскальзывал, вынуждая мужчину останавливаться и с трудом подтягивать Нань Цзина выше.

Разбитые механические часы на запястье Юй Аньяня продолжали тихо тикать, словно заново запуская застывшее когда-то время.

Поясницу пронзала жгучая боль — рана кровоточила, окрашивая одежду в багровый цвет, но он не обращал на это внимания, лишь крепче сжимая пальцы.

— Нань Цзин?..

В ответ слышалось лишь тихое дыхание. На губах мужчины выступила свежая кровь, придавая ему изнуренный, дикий вид. Но он упрямо карабкался вниз, бережно неся свою драгоценную ношу.

Он никогда не верил ни в богов, ни в демонов. Не верил, что небесные владыки способны снизить до спасения простых смертных.

Но Нань Цзин...

По щеке Юй Аньяня скатилась одинокая слеза, скользнув по родинке у глаза, и разбилась о камни.

"Если в этом мире действительно есть божества..."

"Девять тысяч небесных владык и три тысячи подземных духов, умоляю вас... Я, Юй Аньянь, молю вас всеми силами души — пусть он живет."

"Ему ведь всего девятнадцать. Нань Цзин не должен сгнить в этой зловонной, затхлой деревне Одинокого Дракона. Его ждет яркое, теплое лето, полное солнца и юношеских надежд, а не этот кошмар, пропитанный призраками и предательством."

"Умереть должен я. Моя жизнь с самого начала была проклята судьбой девственного отрока..."

Юй Аньянь мучительно закашлялся, и на камни брызнула кровь.

Вдали слышались взволнованные голоса, эхом разнесшиеся по склону горы:

— Они здесь! Они здесь!

— Нашли! Оба живы! Нашли!

— Скорее врача! Здесь раненые, сильное кровотечение!

Гул голосов нарастал. Ноги Юй Аньяня подкосились, и он рухнул на колени прямо на каменные плиты, но так и не выпустил Нань Цзина из объятий. Приоткрыв затуманенные глаза, он сквозь кровавую пелену увидел бегущих к ним людей.

Седовласый Юй Хун, забыв про возраст, мчался впереди всех. Спасатели бережно перенесли раненых на носилки.

Теряя сознание, Юй Аньянь из последних сил вцепился в дрожащую руку отца. С его губ сорвался хриплый, угасающий шепот:

— Спасите... его.

— Спасите Нань Цзина...

Его рука безвольно соскользнула и упала на край носилок.

Из глаз Юй Хуна хлынули слезы. Седовласый старик, гроза делового мира, вцепился в холодную ладонь сына, безуспешно пытаясь вернуть его к жизни. Он бежал за носилками, задыхаясь от рыданий:

— Аньянь! Мой Ань-Ань!

<http://bllate.org/book/19041/1955970>